

УДК 340.125

Праксеологические условия наступления юридической ответственности по российскому законодательству

Рязанова М.Н.

Кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия

В представленной статье с позиции праксеологического методологического подхода сопоставлены общие и специальные условия возникновения юридической ответственности. Автор акцентировал внимание на проекции достижений социальной философии в отношении теоретико-правовых направлений оценки эффективности отдельных видов ответственности. В результате в статье сформулирован вывод о преобладании правовых абстракций, предопределяющих широту усмотрения правоприменителя при решении проблемы целесообразности наложения тех или иных мер ответственности в силу комплекса обстоятельств, которые либо отсутствуют в законодательстве, либо сформулированы завуалированным образом. Главенствующими методами научного исследования стали формально-логический и аналитический, а также отдельные частнонаучные методы (правовая праксеология, правовая герменевтика). В своей совокупности они позволили оценить тенденции российской правоприменительной практики, предопределяющие праксеологические условия юридической ответственности. Автор выдвигает в качестве основного вывода тот факт, что в праксеологическом значении юридическая ответственность должна не только достигать результатов, гармонирующих с целями правового регулирования, но и осуществляться посредством оказания реального эффекта в отношении правонарушителя.

Ключевые слова: юридическая ответственность, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения

Теоретико-правовое осмысление института юридической ответственности построено на разграничении не только понятийных особенностей, но и системы условий, при наличии которых реализуются предусмотренные нормами права меры неблагоприятного воздействия на правонарушителей. В концентрированном виде дискуссии среди учёных сводятся к сопоставлению двух классических подходов, трактующих сущность юридической ответственности (ретроспективное и позитивное понимание) [1–3], с современными течениями правовой мысли, в рамках которых исследуются разнообразные дефекты законодательного регулирования мер, форм и целей ответственности, а также оценивается эффективность её применения в разных отраслях права [4–6].

Названные параметры имеют практико-ориентированное значение, поскольку зависят от факторов развития человеческой деятельности, которая выступает основным предметом правовой праксеологии [7, с. 47; 8, с. 12]. Данное научное направление изначально затрагивало анализ тенденций правоприменительной практики по вопросам возникновения различных видов ответственности, а также ориентировалось на поиск обобщающих признаков, которые в своей совокупности характеризуют состояние всего института юридической ответственности в его практическом выражении [9, с. 78].

Однако за годы своего развития праксеологический подход в теории права вышел за рамки исследования лишь официальной практики, чтобы

учитывать влияние поведенческой активности на результаты правового регулирования определённых типов отношений, в том числе с целью выявления эффективности наложения отдельных мер ответственности [10, с. 61]. В отличие от психолого-правового направления, в рамках которого предпринимаются попытки определить особенности сознания личности, в правовой праксеологии значение приобретают только внешние поведенческие акты, что наглядно прослеживается в практическом разнообразии правонарушений и возникающих за их совершение видов юридической ответственности.

Тем самым праксеологическая методика позволяет анализировать такие отрицательные явления юридической ответственности, как правовая аномия, безнормативность, безответственность и другие тенденции её практического воплощения. В представлении отдельных исследователей праксеология сопряжена с изучением такой категории, как правовая реальность, в рамках которой происходит соотношение формальных норм с их фактическим восприятием людьми [11; 12]. В плоскости юридической ответственности это означает потребность в анализе лиц, к которым применены определённые санкции, на фоне практического эффекта использованных правоприменителем мер ответственности [13; 14].

Впрочем, помимо исключительно практических особенностей применения юридической ответственности, праксеологический подход позволяет установить специальные условия её возникновения непосредственно в нормах права. Хрестоматийным примером в данном случае выступает гражданско-правовая ответственность у субъекта, не имеющего достаточной имущественной базы для реализации мер материального характера. Среди основных условий наступления рассматриваемого вида юридической ответственности действующее гражданское законодательство Российской Федерации не называет имущественную состоятельность правонарушителя. Между тем в правоприменительной практике часто поднимается вопрос об исполнении судебного решения, которым оформлены материальные обременения в отношении виновного лица [15; 16], не способного к моменту наложения подобных мер ответственности выполнить предъявляемое требование (возместить убытки, выплатить задолженность, оплатить неустойку, вернуть имущество).

Праксеологическим эффектом послужило введение в 2015 г. [17] в нормы Гражданского кодекса РФ [18] формулы, предопределяющей потенциальный размер убытков. В частности, согласно абз. 2 п. 2 ст. 393, полное возмещение убытков должно учитывать положение кредитора при надлежащем исполнении обязательства, в том числе внедоговорного. Помимо этого, судебные органы наделены правом усмотрения посредством толкования таких граж-

данско-правовых абстракций, как справедливость и соразмерность ответственности (п. 5 ст. 393 Гражданского кодекса РФ). Примечательно, что закономерный в подобных случаях вариант банкротства не воспринят в действующем российском законодательстве в качестве проявления юридической ответственности, хотя обладает его отдельными признаками (например, негативным характером для лица).

Несколько иначе решается указанная проблема в случаях применения мер публично-правовой ответственности. Так, при возникновении схожей ситуации у лица, привлечённого к материальным мерам уголовной ответственности, должна последовать замена наказания. Вместе с тем ст. 80.1 Уголовного кодекса РФ [19] допускает освобождение от подобного наказания по причине «изменения обстановки» при наличии нескольких условий:

1) было совершено преступление небольшой или средней тяжести;

2) виновное лицо или совершённое им деяние утратило общественную опасность.

В основу праксеологического эффекта при применении различных мер юридической ответственности закладывается физическое состояние правонарушителя, позволяющее ему реализовать предписанное судом ограничение. Например, в системе условий возникновения уголовной ответственности такой критерий прослеживается лишь в части определения вменяемости виновного лица, что, в свою очередь, выступает одним из элементов состояния его здоровья. Однако при назначении уголовного наказания фактическое состояние подсудимого учитывается не только судом, но и государственным обвинителем.

Тем самым в правовой праксеологии принято разграничивать юридическую ответственность, выступающую законной реакцией государства на противоправное поведение виновного лица, от ответственности, являющейся правовым состоянием правонарушителя. В последнем случае нередко употребляется термин «деликтоспособность», который приобрёл неоднозначное понимание в отраслевых науках, но воспринимается в качестве неотъемлемого условия наступления юридической ответственности в теоретико-правовых исследованиях. При этом действующее российское законодательство прямо не указывает на него, как на элемент применения мер негативного характера, а лишь по косвенным нормативным положениям позволяет оценить predisposedness лица в силу своего физического, психического, имущественного и иного заслуживающего внимание состояния к несению определённых видов юридической ответственности.

Приведённые примеры показывают юридическую ответственность в ракурсе человеческой деятельности, осуществляемой в рамках определённых обстоятельств. Поэтому она направлена

на использование предусмотренного законодательством инструментария работы с субъектом, который приобретает праксеологические признаки опредмечивания или распредмечивания в процессе реализации наложенных мер ответственности:

1) в первом случае необходимо вести речь о факторах, влияющих не только на выбор санкции, но и на решение вопроса о целесообразности их применения;

2) во втором случае (при распредмечивании) наложенные меры юридической ответственности рассматриваются в плоскости человеческой деятельности, обладающей спецификой в силу законодательства, регламентирующего порядок исполнения санкции (например, в пенитенциарном законодательстве, в законодательстве об исполнительном производстве).

Между тем в обоих вариантах эффективность юридической ответственности оценивается при сопоставлении целей правового регулирования с фактическими результатами.

Таким образом, праксеологическими условиями юридической ответственности являются различные факторы и тенденции, предопределённые законодательством либо выработанные в правоприменительной практике с учётом принципов человеческой деятельности, которые сформированы в социально-философских учениях о праксеологии и детализированы в правовых науках. Тем самым условия юридической ответственности разграничиваются на основные и специальные не только по критериям субъекта, объекта, целей и функций, но и других обстоятельств, влияющих на исполнимость тех или иных мер ответственности. Впрочем, анализ действующего российского законодательства демонстрирует перенос подобных условий на усмотрение правоприменителя посредством использования в нормативных конструкциях правовых абстракций, в форме которых в равной степени могут выступать и принципы, и оценочные понятия.

Следует заключить, что, как отмечалось выше, в праксеологическом значении юридическая ответственность должна не только достигать результатов, гармонирующих с целями правового регулирования, но и осуществляться посредством оказания реального эффекта в отношении правонарушителя. Исследование подобных процессов на примере отдельных случаев показало, что они тяготеют к универсализации, т.е. обретают вид тенденции, влияющей на институт юридической ответственности за продолжительный период времени.

Литература:

1. Липинский Д.А. Позитивная юридическая ответственность в системе юридической ответственности // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 3 (49). – С. 7–15.
2. Карданов Р.А. Роль и значение позитивной юридической ответственности // Актуальные проблемы современной науки. – 2016. – № 4 (89). – С. 86–90.
3. Фарзалиева Д.М. Соотношение позитивной и негативной гражданско-правовой ответственности // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 7. – С. 106–107.
4. Калашеева О.М. Проблемы эффективности юридической ответственности // Вестник науки. – 2018. – Т. 2. – № 9 (9). С. 91–92.
5. Чаннов С.Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных и муниципальных служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 59–69.
6. Белов С.В., Кузнецов А.В. Эффективность реализации административной ответственности за неповиновение сотруднику полиции // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2020. – № 4. – С. 72–76.
7. Войцеховский С.Н. Понятие и разновидности праксеологии // Журнал научных и прикладных исследований. – 2016. – № 8. – С. 46–50.
8. Рязанова М.Н. Правовая праксеология как направление в современных юридических исследованиях // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 9–13.
9. Монахова Л.Ю., Федотова В.С. Праксиология и праксеология в историко-методологическом дискурсе // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 76–87.
10. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Монография. – Тольятти: ТГУ, 2010. – 172 с.
11. Ланг П.П. Правовая реальность: философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 11–17.
12. Петров А.В., Горбатова М.К. Правовая действительность и правовая реальность: проблемы соотношения // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 9–1. – С. 18–25.
13. Калашникова А.С., Левочкина Н.С. Сравнительный анализ оценок правовых явлений у насильственных и ненасильственных правонарушений // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 58–65.
14. Пичугин В.Г. Исследование вменённого и субъективного мотива совершения преступления // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7. – № 3А. – С. 37–45.

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 г. № 305-ЭС23-17347 по делу № А40-159859/2022 «О взыскании убытков в порядке суброгации» // СПС Гарант.
16. Определение Верховного Суда РФ от 18.07.2019 г. № 307-ЭС19-5190 по делу № А56-88551/2017 «О пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу о взыскании расходов на устранение недостатков» // СПС Гарант.
17. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2023. – № 31 (Ч. III). – Ст. 5777.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2024. – № 1 (ч. I). – Ст. 22.

Praxeological Conditions for the Onset of Legal Liability Under Russian Legislation

Ryazanova M.N.

Law Kazan branch of the Russian State University of Justice

This article uses a praxeological methodological approach to compare general and special conditions for the emergence of legal liability. The author focused on the projection of the achievements of social philosophy in relation to theoretical and legal directions for assessing the effectiveness of certain types of responsibility. As a result, the article formulates a conclusion about the predominance of legal abstractions that predetermine the breadth of discretion of the law enforcement officer when solving the problem of the appropriateness of imposing liability measures due to a set of circumstances. They are either absent from the legislation or formulated in legal norms in a veiled manner. The dominant methods of scientific research have become formal-logical and analytical methods, as well as certain private scientific methods (legal praxeology, legal hermeneutics). These methods made it possible to assess the trends in Russian law enforcement practice that predetermine the praxeological conditions of legal liability. The author puts forward as the main conclusion the fact that, in a praxeological sense, legal responsibility should not only achieve results that are in harmony with the goals of legal regulation, but also be carried out by providing a real effect in relation to the offender.

Key words: legal responsibility, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

